

Восход

Издание Сибирского Рериховского Общества, № 9 (209), Сентябрь, 2011

ПУТЬ

*Преодолев затворы малых «я»,
Отвергнув плен земного притяженья,
Мы познаём законы Бытия
И обретаем духоразуменье.*

*И по путям, которым нет конца,
И по высотам, коим нет предела,
Стремленьем окрылённые сердца
С восторгом в Вечность устремятся смело.*

Н.Д. Спирина

«НАЧНЁМ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ»

Беседа Н.Д. Спириной с участниками семинара
Бердского Рериховского Общества

Мечта наша — чтобы все Рериховские общества на просторах нашей родины слились в конце концов в одну заповеданную общину. Сейчас мы только начинаем строить общину, но когда-нибудь это всё будет едино, и у нас уже есть контакты с колоссальным количеством обществ в самых разных концах России.

Теперь по поводу положения, в котором мы находимся сейчас. Об этом говорится в книге «Мир Огненный» (III, 139). Написано это было в 1935 году, но впечатление такое, как будто мы только что узнали об этом из газет. «Даже и не подозревают люди, насколько напряжена планета! Все условия, которые государства создают, сравнимы с вулканом. Каждая волна действий насыщается разрушением. Нет таких положений, которые указывали бы на продвижение к спасению». Казалось бы, это так. «Но чем удушливее, тем скорее может разрешиться великая Мировая Проблема». Значит, чем хуже, тем лучше. «Сферы надземные тоже волнуются. Истинно, каждый устремлённый в будущее дух может чутко то Нечто, о котором знают лишь Владыки. Именно, нужно думать о надвигающихся тучах, которые неминуемо разрушат страны, идущие против Света. Новая Заря уже светит на тёмном горизонте. Уже события идут, и новые силы строят лучшее будущее».

На эту тему мной совсем недавно написано стихотворение, которое я вам сейчас прочту; называется оно «Новая Заря», и эпиграфом взяты слова, которые производят очень сильное впечатление: «Новая Заря уже светит на тёмном горизонте».

*Труба Архангела запела
Над потрясённою Землёй,
Когда Заря сверкнула смелой,
Неслышанною новизной.*

*Мы шли века, тысячелетья
Навстречу ей,
наперекор
Обманам и противоречьям,
Путь преграждавшим с давних пор.*

*Нам Мудрость вечная сияла,
К Истокам Радости вела;
Нас Красота сопровождала
И никому не отдала!*

Сегодня было упомянуто, что вы начинаете занятие с самого важного — самосовершенствования; без этого всё остальное будет чистым теоретизированием, и только применение Живой Этики на практике даст нам всё и в этой жизни, и в будущей, то есть создаст нашу судьбу. Как вы знаете, карма творится нашими мыслями, чувствами и делами. Если мы будем их совершенствовать — вы сами понимаете, какова будет наша дальнейшая судьба. Сейчас всем нам тяжело, каждому по-своему. У каждого свои осложнения — или домашние, или на работе, или в чём-то другом, — сейчас мы очень ускоренно платим. Но если мы начнём совершенствоваться, мы улучшим этим свою судьбу. У меня написано несколько Слов о совершенствовании. Мы знаем, как много в Учении об этом сказано — и обо всех свойствах и качествах, и о психической энергии. А у меня взят только один аспект: что способствует самосовершенствованию и что ему препятствует. Факторов много, и мы о них знаем.

Хотелось бы сказать ещё об одном — о том, куда мы направляем наш взгляд, наше духовное внимание, наверх или вниз. Если вниз, на стоящих ниже нас по духовному уровню, на обывателей, правонарушителей и так далее, тогда мы можем начать расти в собственных глазах и впасть в самовозвеличивание и самомнение. Самое страшное, что может быть, — это самомнение, которое в одном случае в Учении названо ужасом, а в другом безумием. Если же мы смотрим вверх, на Тех, кто уже переплыл, как сказано, океан рождений и смертей и взошёл на ступень Богочеловека, — тогда это способствует нашему духовному продвижению двояко. Во-первых, сравнение себя с Ними предохраняет от самомнения, а во-вторых, мы обретаем примеры для подражания, что чрезвычайно важно на нашем духовном пути. Имея высокие примеры, мы можем легче осознать, какими нам должно быть и как достигать этого.

Сейчас мы уже и по радио об этом говорим, и выпустили сборники «Светочи Мира» на эту тему. А сегодня по радио неоднократно объявлялось о дне святой Наталии и читался стих о Наталии, об этом имени. И мы недавно познакомились с её поразительным житием. Хорошо, если бы вы тоже могли его прочесть.

Елена Ивановна Рерих дважды брала для себя псевдоним Наталии: Наталия Рокотова и Наталия Яровская. У них, вышестоящих, ничего случайного не бывает. Почему она взяла это имя? Надо на это обратить внимание.

А сейчас я вам расскажу о поразительном житии святой мученицы Наталии, которая жила в IV веке.

Этот день (8 сентября) празднуется как день Адриана и Наталии, это муж и жена. Она была совершенно юная женщина; её мужу Адриану было только 28 лет, он был большим начальником. Это было во времена императора Максимиана, когда происходили страшнейшие гонения на христиан. Тогда христианство только начиналось, люди были очень близки к Христу, который жил совсем ещё недавно, и они уверовали в него. В официальной религии было поклонение самосозданным идолам, им приносили страшные жертвы, и этот культ вёл к вырождению и одичанию. И вот приходит новая вера. Деспот-император Максимиан вооружился против христиан и уничтожил их со страшной жестокостью; сначала их мучили, а потом убивали.

Святая Наталия была тайной христианкой. Муж её не был христианином, он был одним из судебных начальников. И вот однажды к нему привели группу христиан, 23 человека, которых нашли укрывавшимися в пещерах от гонений. Их изловили и привели к нему избитых, в цепях и кандалах. Он начал выяснять: кто вы такие? что у вас за вера такая? И они стали говорить ему о Христе, о вечной жизни, о райском блаженстве и о страшных адских муках — обо всём, о чём говорится в Евангелии. Он был так потрясён, что тут же уверовал, встал со своего начальственного места и сказал: «Меня тоже надо заковать в цепи, я принимаю христианство», — и его заковали. Как их мучили — об этом даже говорить страшно.

Святая Наталия, узнав, что её муж закован, помещён в темницу и избит, вместо того чтобы отчаиваться и горевать, возликовала в духе, возрадовалась, что её любимый муж тоже принял христианство. Она пошла в темницу, туда женщин допускали, и стала ухаживать за всеми христианами, которые были искалечены, все в гноящихся ранах от цепей и палок, которыми их били, и там же был её муж. Она всем перевязывала раны, помогала, кормила, ухаживала за ними. Потом и другие женщины, жёны этих заключённых христиан, тоже стали ходить и помогать.

Когда император Максимиан об этом узнал, он запретил женщинам ухаживать за христианами, которых ждал суд и смертная казнь. Тогда все они

СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА НАТАЛИЯ. Икона

обрезали себе волосы, оделись в мужскую одежду и опять пошли ухаживать за тяжелобольными и умирающими христианами. В конце концов на глазах святой Наталии её мужа казнили страшной казнью. Она всё это видела и вдохновляла его, только чтобы он не отказался от Христа, чтобы всё претерпел. Страдала она, может быть, даже больше, чем он, — настолько тяжело ей было видеть, как любимого человека истязают и убивают. Она была как бы со-мученицей ему, и неизвестно, кому было тяжелее. Вскоре после этого она тоже перешла в лучший мир, и её причислили к лику святых, потому что, как говорится о ней в житии, «ты хотя и не терпишь сама мук, но соболезуешь страданию мучеников своим участием». И эта верность вере, которая превзошла её личные чувства, её привязанность и любовь, — это было поразительно.

8 сентября 1994 г.

Людмила ГАНИНА

НЕОБЪЯТНЫЙ МИР БЛАВАТСКОЙ*

Елена Петровна Блаватская принесла миру идеи теософии. Именно она была выбрана для титанической работы — дать сдвиг сознанию человечества. Махатмы писали: «...Е.П.Б... обладала совершенно чудесными и исключительными дарованиями. ...Не было никого из живущих, кто мог бы сравниться с ней по степени пригодности для этой работы»¹.

Махатма К.Х. писал о Елене Петровне: «Вы никогда не узнаете её такой, какой знали её мы, и потому вы никогда не сможете судить о ней справедливо и беспристрастно. Вы наблюдаете лишь поверхность вещей... (...) Мы... находим в её внутреннем "Я" мудрость более глубокую, чем вы сами когда-либо сможете воспринять...»²

Постараемся коснуться Облика Е.П. Блаватской и приблизиться к её великому духу. Увидим Елену Петровну глазами тех людей, которые её окружали.

Характерно, что люди, видевшие Блаватскую в первый раз, всегда представляли её себе совсем другой. Александр Уилдер вспоминает: «Ни манерами, ни фигурой она не оказалась похожей на то, что я ожидал увидеть»³. Эстер Виндаст пишет: «Я видела множество людей во множестве стран — звёзд на своём собственном небосклоне, людей искусства, театра, политики, литературы и т.п., — но такого никогда! Эта маленькая простая женщина, сидевшая в большом кресле, с накинутой на плечи шалью, выглядела более маленькой, чем на самом деле, из-за своего полного тела... Но в то мгновение я видела только её лицо с такими ясными синими глазами и её руки, лежавшие на коленях. Я тогда училась живописи и ещё ни разу не встречала таких прекрасных рук. Но даже это было не столь важно. Я была поражена силой и бескорыстной любовью, окружавшей её и излучаемой ею»⁴.

Вот как описывает свою первую встречу с Блаватской Уолтер Олд: «Самые большие и яркие глаза из всех, какие я только видел, широко открылись мне навстречу, когда она взяла мою руку и поприветствовала меня. Всё то замешательство, которое я ожидал ощутить при встрече, куда-то испарилось, как только

она произнесла первые слова. Я сразу же почувствовал себя как дома, и мне было очень легко общаться с Е.П.Б. (...) ...Я вынес самое приятное впечатление от всего того, что я слышал и видел на протяжении короткого визита в дом теософов, а глубоко запечатлевшееся воспоминание о самой Е.П.Б. прежде всего связано с несравнимой мягкостью в общении, с её бесстрашной открытостью, её неизменной энергичностью, и более всего — с энтузиазмом, с каким она говорила о той работе, которая предстояла Теософскому обществу»⁵.

Два качества Елены Петровны особенно поражали людей: сердечность и прямота. Уильям Браун отмечает, что «мало кто был более сердечным человеком, чем она...»⁶. Франц Хартман утверждает, что «с неё вполне можно было бы писать портрет какого-нибудь святого, а её добродушная и сердечная манера обращения сразу же завоевала моё расположение»⁷. И если люди Запада чувствовали исходящую от Блаватской любовь, то на Востоке она производила особенное впечатление. Анагарика Дхармапала, приветствовавший теософов на Цейлоне (а ему было тогда 16 лет), вспоминает: «В тот момент, когда я коснулся их [Олькотта и Блаватской] рук, моё сердце переполнилось радостью. Стремление к всемирному братству, к полной самоотдаче ради человечества затронуло струны в моей душе»⁸.

Прямота характера Блаватской одних восхищала, других делала врагами. Свои мнения она высказывала прямо и решительно, но без всякого навязывания. Герберт Берроуз вспоминает: «Её враги часто говорили о том, что она груба и невоспитанна. Мы, те, которые знали её, знали о том, что никогда ещё не жил на Земле человек, который столь нетерпимо, в самом реальном смысле этого слова, относился бы ко всем общепринятым условностям. Её абсолютное безразличие ко всем внешним формальностям представляло собой истинное безразличие, основанное на её внутреннем духовном знании истин Вселенной. Находясь рядом с ней в те моменты, когда приходили незнакомые люди — а они прибывали со всех уголков

* Доклад на Торжественном собрании, посвящённом 180-летию со дня рождения Е.П. Блаватской. 28 августа 2011 г.

¹ *Окултный мир* Е.П. Блаватской. М.: Сфера, 1996. С. 466.

² Там же. С. 470.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Там же. С. 380 – 381.

⁶ Там же. С. 243.

⁷ Там же. С. 253.

⁸ Там же. С. 174.

планеты, — я часто с несравнимым удовольствием наблюдал за тем удивлением, какое вызывал у них человек, который всегда говорит то, что думает. Если это был принц, то она, вероятно, шокировала бы его, а если это был бедный человек, то он всегда получил бы от неё самый последний её шиллинг и самое доброе слово...»⁹

Слова Берроуза подтверждает Арчибалд Кейтли: «Одно ненавидела госпожа Блаватская — ханжество, притворство и лицемерие. В отношении к этому она была безжалостна; но в отношении искренних усилий, даже если те приводили к ошибкам, — она не жалела сил, чтобы приободрить и помочь советом. Во всех своих делах она была искренна... (...) Я никогда не слышал, чтобы она говорила о чём-то, что не было бы истиной...»¹⁰

Елена Петровна происходила из знатного рода и была хорошо воспитана. Графиня Елена Раковицкая очень точно характеризует поведение Блаватской в отношении «высшего общества» Европы: «В беседе она излучала такое обаяние, что никто не мог ему противостоять, корень которого крылся, вероятно, по большей части в её непосредственной и живой способности оценивать всё великое и высокое и в её неизменно горячем энтузиазме, который сочетался с оригинальным, иногда весьма язвительным юмором; а то, как она выражала себя, частенько приводило в самое комическое отчаяние её друзей-ангლოსаксов, которые, как известно всему свету, преувеличенно разборчивы при выборе слов для самовыражения.

Её пренебрежение, более того, бунт против всевозможных формальностей и установок общества заставлял её иногда нарочно вести себя с нехарактерной для неё грубостью; и она ненавидела и вела открытую войну со слащавой ложью со всей храбростью и самопожертвованием истинного Дон-Кихота. Однако если к ней приходил сирый и убогий, голодный и нуждающийся, то он мог быть уверен в том, что найдёт здесь такое тёплое сердце и такие щедрые и открытые руки, каких не найдёшь ни у какого другого "культурного" человека, каким бы "воспитанным" он ни был...»¹¹

Знавшие Блаватскую люди утверждали, что она представляла собою смесь самых разнообразных качеств и имела набор самых различных портретов. Но абсолютно бесспорны её преданность делу теософии и отсутствие корыстных интересов.

Е.П. БЛАВАТСКАЯ. Нью-Йорк, 1875 – 1876

Приведём выдержку из воспоминаний Реджинальда У. Мачелла. «Я видел, что она очень страдает от той клеветы, которая распространялась относительно её прошлой жизни, но при этом чувствовал, что никакое количество наветов не способно заставить её отказаться от того дела, которым она занималась и которое ей приходилось продолжать, несмотря на её плохое здоровье, хотя оно, казалось бы, должно было сделать невозможным для неё выполнение вообще какой бы то ни было работы.

Было очевидно, что её самоотверженная преданность делу теософии не принесёт ей ничего, кроме проклятий и обвинений в её адрес с одной стороны и с другой — весьма сомнительной поддержки тех, кто нацелился на получение чего-либо из того огромного запаса знаний, которым она, очевидно, обладала. В то время как небольшая группа её последователей честно старалась вести жизнь, следуя своему учителю, большинство из тех, кто называл себя её последователями, на самом деле стремились к этому знанию скорее ради собственного удовлетворения, чем из желания послужить человечеству.

Вопреки постоянной неспособности тех, кто объявлял себя её последователями, понять её и небрежным и неправильным истолкованиям её слов и поступков

⁹ Там же. С. 424 – 425.

¹⁰ Там же. С. 372.

¹¹ Там же. С. 137.

К 180-летию Елены Петровны Блаватской

врагами, она никогда не теряла веру в это дело, она не колебалась в своей абсолютной преданности той задаче, за которую взялась. Страдая, как мученица, и душевно, и физически, она трудилась неустанно, и в её работах не найдёшь признаков её тяжёлого физического состояния...»¹²

Несгибаемая воля и преданность делу поднимали Блаватскую к письменному столу и давали ей силы, чтобы работать над «Тайной Доктриной», издавать журналы, писать статьи и огромное количество писем, принимать посетителей.

Не имея своего дома, родственных уз, сильных привязанностей, она казалась в мире совершенно одинокой. Мир незаслуженно оклеветал её, более чем кого-либо другого в те времена. Она стала объектом для подозрений со стороны не только отдельных людей, но и правительств. И только связь с Учителем и преданность Ему давали ей силы жить и трудиться на Общее Благо.

Чарльз Джонстон пишет: «И если мне хоть когда-нибудь в жизни доводилось видеть выражение подлинного благоговения и почитания на человеческом лице, то это случилось именно тогда, когда она говорила о своём Учителе»¹³.

Констанция Вахтмейстер приводит слова Елены Петровны: «Я никогда не противоречу ни единому слову Учителя...» И далее графиня описывает следующую ситуацию: «Однажды... войдя в кабинет Е.П.Б., я обнаружила, что весь пол забросан листами забракованной рукописи. Я поинтересовалась причиной этого беспорядка, и она ответила: "Да я уже 12 раз пыталась написать эту одну страницу правильно, но каждый раз Учитель говорил, что это неверно. Думаю, я сойду с ума от такого количества вариантов, однако оставьте меня в покое, я не могу прерваться, пока не решу эту задачу, даже если мне придётся работать всю ночь напролёт"»¹⁴.

Е.П. Блаватская презирала неоправданное восхваление её собственной личности. Она никогда не была уверена в достоинствах своих литературных трудов. Альфред Синнетт утверждал, что Блаватская определённо не обладала ни одним из внешних атрибутов, какие можно было бы ожидать у духовного пастыря. Поэтому большинство последователей не разглядели в ней Посланника Учителей Света.

И как любили её те немногие, которым её облик

раскрылся в полном своём величии! Герберт Берроуз так описывает открытие Блаватской как своего Учителя: «За первым визитом последовал второй, и после нескольких посещений я прозрел. Я уловил отблески возвышенной морали, самоотверженного порыва, гармоничной философии жизни, ясной и определённой науки о человеке и его отношении к духовной вселенной. Именно эти вещи меня привлекли, а не феномены, ибо я не был свидетелем ни одного. Впервые в истории своего разума я отыскал учителя, который мог собрать отдельные нити моих мыслей и удовлетворительным образом соткать их в единое полотно, причём безупречное мастерство, обширные знания, любовь и терпеливость этого учителя возрастали от часа к часу. Я очень быстро понял, что так называемая шарлатанка... на самом деле имела благородную душу, что каждый её день был посвящён бескорыстному труду, вся её жизнь была чистой и простой, как жизнь ребёнка, и что она никогда не считалась с тем, сколько боли и тяжёлого труда необходимо потратить на то, чтобы добиться успеха в том великом деле, на алтарь которого она отдавала всю свою энергию. Открытая, как день, она была воплощением самой доброты; молчаливая, как смерть, если это требовалось, — она становилась воплощением строгости при малейшем признаке неискренности той работе, на которую она положила всю свою жизнь. Благодарная, безмерно благодарная в ответ на любое преданное внимание, самоотверженная, безмерно самоотверженная во всём, что касалось её самой, она привлекла нас к себе не только как мудрый учитель, но и как любящий друг»¹⁵.

Елена Петровна Блаватская является истинным теософом, ибо настоящая теософия состоит в Великом Отречении от себя, безоговорочном и абсолютном, как в мыслях, так и в действиях. Она пронесла любовь к человечеству в своём сердце.

Елена Петровна писала о себе: «Когда я умру и меня уже не будет, люди, возможно, воздадут должное моим бескорыстным стремлениям. Я дала клятву помогать людям на пути к Истине, пока я живу, — и я сдержу свою клятву. Пусть они поносят меня и оскорбляют меня. (...) Придёт тот день, когда будущие поколения научатся лучше понимать меня»¹⁶.

---

¹² Там же. С. 386.

¹³ Там же. С. 369.

¹⁴ Там же. С. 333.

---

¹⁵ Там же. С. 423 – 424.

¹⁶ Там же. С. 465.

Ирина СЕРЕБРОВА

Е.П. БЛАВАТСКАЯ О СЕБЕ*

О Елене Петровне Блаватской написано немало книг — исследований, биографических очерков, воспоминаний современников — свидетелей её жизни и духовного подвига. Особенно подробно описаны её последние годы, когда она, работая над фундаментальным произведением «Тайная Доктрина», практически не оставалась одна.

Конечно, очень важно изучать записи тех, кто находился рядом с этим великим духом. И особенно ценны слова, сказанные самой Е.П. Блаватской о себе. В основном мы находим их в письмах друзьям, родным, сотрудникам, а также в некоторых статьях, написанных для различных периодических изданий. Таких свидетельств о самой себе не много, но они помогают нам приоткрыть некоторые страницы духовной жизни Елены Петровны, увидеть отдельные черты её внутреннего облика и понять, каким необыкновенно чутким, тонким и в то же время сильным человеком она была.

Е.П. Блаватская говорит о духовных поисках, об отношении к вере, о своих переживаниях, испытанных в молодые годы. На вопрос о том, как прошло её детство, отвечает коротко: «Моё детство? С избалованностью и ласками с одной стороны, с наказаниями и закалкой — с другой»¹. О юном возрасте — времени поиска смысла жизни — она вспоминает: «Я искала встречи с *неведомым*. Обществу, особенно любителям злых сплетен, известна лишь *внешняя*, объективная сторона моей юности... Но *никто*, даже мои родители, так ничего и не поняли в том, что связано с моей сокровенной *внутренней* жизнью, которую я в "Theosophist" назвала "жизнью души". С шестнадцати лет я всегда жила *двойною* жизнью, таинственной, непонятной даже для меня самой, до тех пор, пока не встретила моего ещё более таинственного индуса»² — или, как называла его Елена Петровна, «Учителя из моих снов». С этого момента смысл жизни становится для неё ясным и определённым.

По прошествии многих лет Е.П. Блаватская пишет: «Для меня всё условное, относительное и конечное

не существует. Я верю только в Бесконечное, Безусловное и Абсолютное, но я не проповедую своих идей»³.

«В отличие от догматиков, я не люблю навязывать никому... свои собственные представления, но если вы, по своей доброте и великодушию, позволите мне открыть перед вами моё сердце, то я открою его полностью — так же, как я была бы вынуждена сделать это перед Христом и Буддой, когда по мере своего развития, причём не на словах, а на деле, я повстречаюсь с ними обоими в лучшем мире.

В речах, поступках, да и в самой жизни обоих я всем своим духовным существом ощущаю один и тот же *субстрат* Божественной истины. (...) Ни Христос, ни Будда, ни индусский Кришна никогда не проповедовали никакой догмы... за исключением одной величайшей истины "Возлюби ближнего своего, как самого себя" и "Возлюби Господа твоего превыше самого себя"»⁴.

«...Я защищаю право каждого честного человека, будь то буддист, брахманист, джайн, иудей... верить и поклоняться как ему угодно, если только он делает это *искренне*»⁵. Как известно, в Теософское общество, основателем которого являлась Блаватская, могли вступать люди разных верований, не отказываясь при этом от исполнения привычных им религиозных обрядов.

«*Никогда* в жизни я не смеялась над тем, что для других свято, — пишет Елена Петровна, — я лишь высмеивала "тартюфов" от религии, которых от всей души презираю. (...) Если бы вы знали, *чего я только не натерпелась* от этих "последователей Христа", вы бы поняли, что я издеваюсь *не над религией Христа*, а лишь над её внешней оболочкой, над лицемерием так называемых христиан, которые... каждое мгновение распинают Истину и сам идеал Христа. Я не буду лгать и притворяться, но мне нет необходимости оправдываться, ибо я не несу ответственности за отсутствие в моём уме определённого конформизма...»⁶ «Я открыто признаю свою вину в тех случаях, когда я была действительно виновата, ни разу не уподо-

* Доклад на Торжественном собрании, посвящённом 180-летию со дня рождения Е.П. Блаватской. 28 августа 2011 г.

¹ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. М.: Сфера, 1997. С. 299.

² Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. М.: Сфера, 2002. С. 248 – 249.

³ Блаватская Е.П. Письма. М.: Золотой век, 1995. С. 330.

⁴ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 192.

⁵ Там же. С. 244.

⁶ Там же. С. 267.

К 180-летию Елены Петровны Блаватской

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ. Нью-Йорк, 1875

бившись Ивану, который всегда показывает пальцем на Петра»⁷.

Своей тёте, Надежде Андреевне Фадеевой, Елена Петровна пишет: «Я бы всей душой хотела, чтобы между мной и Вами, а также другими людьми, которых я люблю, не было разногласий по религиозным вопросам...»⁸

«Меня наверняка спросят: "А ты кто такая, чтобы указывать нам на наши недостатки?" — пишет Е.П. Блаватская в статье «Теософские Махатмы». — Ты утверждаешь, что можешь общаться с Учителями, что Они чуть ли не каждодневно осыпают тебя своими милостями; но значит ли это, что ты сама — абсолютно святая, безупречная и самая достойная?" На это я отвечаю: увы, нет. Природа моя — слаба и несовершенна, у меня много явных и тайных недо-

статков, и потому карма моя намного тяжелей, чем у любого другого теософа. Да, *это так*, и не могло быть иначе, коль скоро я уже много лет стою пригвождённая к позорному столбу в качестве мишени для моих врагов и некоторых друзей. И всё же я с радостью переношу это *испытание*. Почему? Да потому, что знаю — несмотря на все мои недостатки, Учитель неизменно защищает меня. И если это действительно так, то только потому, что на протяжении тридцати пяти и даже более лет... *я ни разу не отвергла Его и не усомнилась в Нём даже в мыслях*.

Как бы туго мне ни приходилось, с уст моих ни разу не слетело ни одного слова упрёка, никто не слышал от меня недовольного ропота, и ничто не могло заронить сомнение в мои мысли. (...)

Я уверена, что Учитель не допустит моей гибели, что он непременно появится *в последний момент, как это всегда и бывало*. Трижды Он спасал меня от смерти: в последний раз — чуть ли не против моей воли, когда я вернулась в этот холодный и жестокий мир лишь из любви к Нему — научившему меня всему, что я знаю, и сделавшему меня той, кто я сейчас есть. Следовательно, я делаю Его дело и исполняю Его волю, что придаёт мне силы льва и позволяет выдерживать такие потрясения — физические и душевные, — которые наверняка убили бы любого теософа, сомневающегося в реальности существования столь могучей защиты. Непоколебимая преданность Тому, кто воплощает избранный мною долг и веру в Мудрость... великого и таинственного Братства святых подвижников, является, таким образом, моим единственным достоинством и главной причиной моих успехов...»⁹

И добавим: эта вера не была поколеблена никакими потрясениями — ни клеветническими нападками врагов, ни предательством друзей.

Несколько лет Е.П. Блаватская провела в Индии. Когда она с сотрудниками-теософами путешествовала по стране, её везде встречали как посланницу Будды и спасительницу Индии. Так, в одном из писем она сообщает: «...я определённо стала для индусов *богиней и Дэватой!* (...)

За восемь миль до Гунтуру нас вышло встречать всё городское население; во главе толпы двигались брахманы, баядерки и музыканты.

Представьте себе дочь моего отца в золочёном паланкине, который несут на головах дюжина *кули*,

⁷ Блаватская Е.П. Письма. С. 390.

⁸ Там же. С. 256.

⁹ Блаватская Е.П. Теософские Махатмы // Эликсир жизни. М.: Сфера, 1998. С. 291 – 293.

окружённую высшими (индусскими) чиновниками, пандитами и учёными мудрецами, поглядывающую сверху вниз на огромную охваченную восторгом толпу, простирающуюся ниц всякий раз, как я брошу на неё взгляд. (...)

Разглагольствования миссионеров, пытающихся на углах улиц всячески дискредитировать нас, ни к чему не приводят; на днях некий *падре* пережил неприятный момент, когда вскользь упомянул, что я — всего-навсего *русская шпионка!* Толпа чуть было не сбросила его в канал»¹⁰.

В начале 1880-х годов Е.П. Блаватская с несколькими теософами по приглашению друзей, теософов-буддистов, отправилась на Цейлон. В письме к А.М. Дондукову-Корсакову она рассказывает об этой поездке: «...клянусь вам, дорогой мой князь, такой приём, как нам, не оказывали и принцу Уэльскому!

В течение трёх месяцев одно триумфальное шествие сменялось другим: процессии, во главе которых шли сотни высокопоставленных буддийских священнослужителей и слоны (я сама ехала на слоне кофейного цвета); вдоль дороги через весь Цейлон — гирлянды из цветов и триумфальные арки через каждые десять шагов... (...)

В глазах туземцев я была пророчицей, которую послал им Будда»¹¹.

Елена Петровна рассказывает также о том, что ей удалось пересечь границу Тибета в Сиккиме, в то время как туда не пропускали не только европейцев, но и многих азиатов. «...К нам вышел главный лама собственной персоной и преподнёс мне чай с маслом и прочие лакомства. Мы поздоровались; настоятель увидел, что мне пришлось по вкусу его угощение, и велел отвести меня к ним в монастырь. Меня с почестями провели по мостику, разрешив сопровождать меня трём сингалам; англичанам пришлось дожидаться меня на месте!

В монастыре я пробыла три дня. Боялась только, что меня не выпустят обратно. Жила в маленьком домике у самых стен монастыря и сутками беседовала с монахом Гилинджаником (он тоже — *воплощение Шакья-Будды*), а также часами просиживала в их библиотеке, куда женщин не допускают... и настоятель публично признал меня одним из женских воплощений бодхисаттвы, чем я очень горжусь»¹².

В Индии Е.П. Блаватская была чрезвычайно занята. «...У меня столько забот, — пишет она, — что

некогда даже перевести дух. ...В Индии я *единолично* возглавляю 37 обществ. Я для них и отец, и мать, и брат, и сестра, и никто из них не осмелится ни жениться, ни помереть без моего *благословения* (!!). Я нужна им при любых обстоятельствах»¹³. «Я быстро выучила санскрит и пали; скоро буду читать лекции на обоих этих языках. Сингалы выбрали меня своим третейским судьёй в религиозных вопросах. На Цейлоне есть две буддийские секты — сиамская и секта Амарapura, постоянно враждующие друг с другом. После семи веков вражды я их примирила. Я дискутировала с ними по религиозным проблемам и объясняла им тот или иной метафизический вопрос из... буддийских священных писаний. Откуда мне известны столь абстрактные и метафизические вещи? О! В этом-то и заключена страшная тайна. Но я чувствую себя в силах держаться с достоинством перед величайшими знатоками санскритской учёности и побеждать в публичных дискуссиях как брахманов, так и буддистов...»¹⁴

«...На мои плечи легла ответственность за миллионы душ. Пять лет, проведённых мною здесь, потрясли всю Индию. Под влиянием Теософского общества идолопоклонство, суеверия, кастовая система — всё это стало исчезать, как туман под тёплыми лучами солнца. (...) За четыре года мы сумели заинтересовать теософией более ста тысяч человек... (...) Моё имя не умрёт, потому что, теряя себя, я избавляю людей от страданий, невежества и суеверий. (...) ...Могу сказать без лишнего хвастовства, что я вновь утверждаю в Индии торжество закона Истины, что я спасаю народные массы от рабства, учу людей уважать себя и больше не ползать в ногах у браминов и так далее»¹⁵.

Живя в Индии, Елена Петровна полюбила эту страну и её народ. Она сообщает одному из своих сотрудников — Альфреду Синнетту: «Я готова стать пользующимся дурной славой *осведомителем* вашего английского правительства... ради *моего* Общества и моих любимых индусов — да, любимых, хотя двое из них... каждодневно губят и подрывают мою честь, имя и славу своей *ложью*. Но из-за этих двух *неудач* я не перестану любить народ моего Учителя. Ах, если бы только Учитель указал мне путь! Если бы Он только сказал мне, что я должна сделать, чтобы спасти Индию от нового кровопролития, от сотен, а возможно, и тысяч невинных жертв...»¹⁶

¹⁰ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 257 – 258.

¹¹ Там же. С. 227 – 228.

¹² Там же. С. 277.

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 228.

¹⁵ Там же. С. 289, 291.

¹⁶ Блаватская Е.П. Письма А.П. Синнетту. С. 410.

К 180-летию Елены Петровны Блаватской

Несмотря на то что буддисты Индии смотрели на неё «как на божество, спустившееся с облаков» и падали перед нею ниц, Е.П. Блаватская пишет: «Ну и что? Я старею с каждым днём, гораздо быстрее других, из-за непомерных трудов и огромной ответственности, которую я взвалила на свои плечи»¹⁷.

В другом письме она признаётся: «Я устала от жизни... (...) Внутренние переживания иссушили меня до глубины души, а смерть всё не приходит, вот и всё»¹⁸.

Когда на Е.П. Блаватскую обрушился шквал клеветы, её «нравственное потрясение... было настолько велико, что она тяжело заболела»¹⁹. «Весь мир ополчился против меня, — пишет Елена Петровна, — и я всю жизнь только тем и занимаюсь, что опровергаю клевету против нашего учения и против моей скромной персоны»²⁰.

«Про меня напридумывали достаточно всяческой лжи и клеветы; пора восстановить истину. Возможно, на ваш взгляд я сумасшедшая, зато я искренне и страстно служу своему делу. (...) Поверьте мне, я посеяла семена, которые уже прорастают и вскоре дадут пышные всходы»²¹.

Как вспоминала графиня К. Вахтмейстер, однажды Блаватская сказала ей: «"Вы не можете себе представить, что значит чувствовать множество враждебных мыслей и потоков, направленных против вас; это похоже на уколы тысячи иголок, и мне приходится постоянно воздвигать защитную стену вокруг себя". Я спросила её, знала ли она, от кого эти недружелюбные мысли приходили, и она ответила: "Да, к сожалению, я знаю, и я всегда пытаюсь закрыть глаза, чтобы не видеть и не знать"»²².

Многие годы Е.П. Блаватская находилась вдали от родины и тосковала по России, по русским людям. Она пишет: «Как хотелось бы перед смертью увидеть и услышать русского человека! Я поистине начинаю тосковать по родному дому, ужасно хочется увидеть свою страну. Но... я никогда, никогда больше не ступлю на родную землю. Я навеки разлучена с Россией»²³.

«...Моя любимая страна никогда не имела дочери более преданной, чем я, а наш император (точнее, им-

ператоры, ибо я пережила троих из них) — наиболее лояльной и верной подданной, нежели их покорная служанка»²⁴.

«Знаю... что больше никогда не увижу ни родной страны, ни своих соотечественников, ни своих близких. Но для меня было утешением думать, что есть ещё в России человек, который думает обо мне... и который не отвернулся от меня»²⁵.

Елена Ивановна Рерих так говорила о нашей гениальной соотечественнице: «Подвиг её был велик: одинокая, всеми преследуемая, всеми и во всём подозреваемая, без средств, без знания языка прибыла она в Америку, чтобы явить миру прекраснейшее Сокровенное Учение, дать впервые религиозно-философский синтез всех веков и народов, создать международный Братский Союз, дать величайшее счастье знания о существовании Великих Хранителей и Водителей нашего человечества и пути к Ним. Кто не преклонится перед нею, принявшей на себя такой подвиг среди бездны невежественных отрицаний, подозрений и гонений? Истинно, она была мученицей за уявленное ею новое спасение человечеству в эпоху удушающего и разлагающего материализма. Но это мученичество сплело ей новый прекрасный ВЕНЕЦ. Пошлём ей наше восхищение, нашу признательность и нашу любовь»²⁶.

*Белый Лотос сердца твоего
Был терзаем ярыми ветрами;
Угрожали недруги кострами,
Но не утрашился ничего
Белый Лотос сердца твоего.*

*Мудрость, принесённая тобой,
Раздавалась щедрою рукою
Без числа, но не было покою —
Вызвала врагов на смертный бой
Мудрость, принесённая тобой.*

*Завершив свой подвиг на земле,
Ты в доспехе безграничной веры
Вознеслась в сияющие сферы,
Словно факел в предрассветной мгле,
Яркий след оставив на земле*²⁷.

¹⁷ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 268.

¹⁹ Спирина Н.Д. Вестник Огненный // Полное собрание трудов. Т. 2. Новосибирск, 2008. С. 445.

²⁰ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 296.

²¹ Там же. С. 291 – 292.

²² Вахтмейстер К. Воспоминания о Е.П. Блаватской и «Тайной Доктрине». Одесса: Астропринт, 2011. С. 35 – 36.

²³ Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудникам. С. 288.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Там же. С. 296.

²⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. 7. М.: МЦР, 2007. С. 233 – 234.

²⁷ Сереброва И. Е.П. Блаватской // Огни трудов: Избранные стихи. Новосибирск, 2011. С. 54.

*Елена АЛИВАНЦЕВА, автор проекта и научный руководитель
Музейного Центра Е.П. Блаватской и её семьи Днепропетровского национального
исторического музея им. Д.И. Яворницкого (Украина)*

О Елене Блаватской и екатеринославской усадьбе, в которой она родилась*

В начале XIX столетия в Екатеринославе (Днепропетровске), на улице Петербургской (ныне Ленинградская, 11), была создана усадьба, которой было предопределено судьбой прославиться благодаря семье, три поколения членов которой — государственные и общественные деятели, учёные и писатели — уникальное явление в отечественной культуре, а одна из её представителей — личность планетарного масштаба. Усадьба эта, пережившая в течение первого своего века нескольких владельцев, а в течение второго — целый ряд учреждений, вошла в историю и останется в ней как усадьба Фадеевых, где в 1831 году родилась Елена Петровна Блаватская.

Усадьба Фадеевых типична для провинциального Екатеринослава, дома в котором двести лет назад ставились вольно: с окнами на четыре стороны, с большими садами вокруг. Великолепный сад, в глубине которого протекала маленькая речушка, был её главным украшением. Семья Фадеевых, ставшая историческим феноменом, жила здесь с 1815 по 1834 год.

Глава семьи дворянин Андрей Михайлович Фадеев (1790 – 1867) был назначен на службу в Новороссийскую контору Опекунства иностранных поселенцев младшим товарищем главного судьи. Прослужив в Опекунстве три года, в 1818-м, после его преобразования в Попечительный Комитет колонистов южного края России, он стал начальником канцелярии. Как член Екатеринославского помологического¹ общества внёс значительный вклад в развитие садоводства в крае. Позже занимал высокие посты в Астрахани, был губернатором Саратова. С 1846 года и до конца жизни — руководитель Экспедиции государственного имущества Закавказского края в Тифлисе (Тбилиси). Современник напишет: «...имя Андрея Михайловича Фадеева не произносилось иначе, как

с глубокою благодарностью и любовью за его высокую справедливость, за строгую внимательность... и за безукоризненную честность и бескорыстие, довольно редкие в то время». Действительный член Русского географического общества, Фадеев оставил свой след и в литературе, написав в последние годы жизни обширные мемуары. Его «Воспоминания» стали ныне важным историческим и бесценным краеведческим источником.

Хозяйка усадьбы на Петербургской — Елена Павловна Фадеева (1788 – 1860) — была одной из самых образованных женщин Европы начала XIX века. Представительница знатного рода Долгоруких, она владела пятью иностранными языками, была музыкально одарена, хорошо рисовала. В 1813 году вопреки воле родителей вышла замуж за А.М. Фадеева. Глубокое чувство взаимной любви супруги пронесли через всю жизнь. В центре научных интересов Е.П. Фадеевой стояли ботаника, зоология, орнитология, палеонтология, минералогия, археология. Кроме того, эта удивительная женщина была известным нумизматом, фалеристом², но главное — она была прекрасной матерью и бабушкой — педагогом, воспитавшим блестящую плеяду выдающихся людей.

Старшая дочь четы Фадеевых — Елена Андреевна, в замужестве Ган (1814 – 1842) — выросла на Петербургской, отсюда ушла под венец, здесь, в доме

Дом в Днепропетровске, где родилась Е.П. Блаватская

* Доклад на Торжественном собрании, посвящённом 180-летию со дня рождения Е.П. Блаватской. 28 августа 2011 г.

¹ Помология — наука, изучающая сорта плодовых и ягодных растений; сортоведение.

² Фалеристика — коллекционирование нагрудных значков, знаков отличия.

К 180-летию Елены Петровны Блаватской

родителей, родила своего первенца (Е.П. Блаватскую). Природа одарила Елену Андреевну литературным и музыкальным талантом, изысканной красотой и тонкой, чувствительной душой. В 16 лет она стала женой 32-летнего капитана конной артиллерии, выходца из знатного немецкого рода, барона Петра Алексеевича Гана (1799 – 1875). Юная женщина, считавшая любовь, супружество, душевное и духовное взаимопонимание неразделимыми, пережила крушение «светлой идеи». Со смертью сына Саши её переживания стали перерастать в трагедию, что не замедлило отразиться на здоровье. В 1835 году в семье родилась вторая дочь, Вера (В.П. Желиховская (1835 – 1896), в будущем тоже известная писательница).

Несмотря на жизненные коллизии, творческая натура Елены Андреевны требовала реализации, и в 1836 году она попробовала себя в качестве переводчика, а затем написала свою первую романтическую повесть — «Идеал», опубликовав её под псевдонимом Зенеида Р-ва. В основе сюжета повести — история неудачного брака и осмеянной женской любви. В течение последующих пяти лет в Петербурге были изданы 11 её повестей, среди них «Утбалла», «Медальон», «Теофания Аббиаджио» и другие. Все произведения Елены Ган в значительной мере автобиографичны. Ещё при жизни её стали называть «русской Жорж Санд», «Лермонтовым среди писательниц». Весной 1842 года состояние здоровья Е.А. Ган резко ухудшилось, а 24 июня она умерла на руках у матери, оставив на попечении Фадеевых дочерей и сына Леонида. В.Г. Белинский посвящал ей статьи, а И.С. Тургенев писал: «В этой женщине было и горячее русское сердце, и опыт жизни женской, и страстность убеждений, и те "простые и сладкие" звуки, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь...»

В доме на Петербургской родился единственный сын четы Фадеевых. Ростислав Андреевич Фадеев (1824 – 1883) избрал военную карьеру. Служил на Кавказе. О героизме, патриотизме, особенностях характера генерала Фадеева ходили легенды. Эпизоды из его жизни легли в основу сюжетов в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова и «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ростислав Андреевич был и военным историком, публицистом. В предисловии к вышедшему уже после его смерти трёхтомному собранию сочинений сказано: «У него было прекрасное сердце и блестящий ум, которые он всецело посвятил на служение родине. На литературном поприще, как и на боевом, во благе отечества он видел цель. Она же была силой, создавшей в нём замечательный талант и тот превосходный точный и богатый русский

язык, которым говорят и пишут только люди глубоко убеждённые».

В екатеринославской усадьбе Андрея Михайловича и Елены Павловны Фадеевых родились и две их младшие дочери — Надежда и Екатерина. Надежда Андреевна Фадеева (1829 – 1919) была общественным деятелем, коллекционером. Она унаследовала уникальные библиотеки и архивы предков, коллекции матери и всю жизнь пополняла их (значительный вклад в эту работу внесли её брат — Р.А. Фадеев и племянница — Е.П. Блаватская). Её собрание раритетов поражало современников. Очевидец свидетельствует: «Это был один из самых замечательных частных музеев. Там были собраны гербы и оружие со всех стран света, старинная посуда, китайские и японские статуи богов, византийская мозаика, персидские и турецкие ковры, картины, портреты и очень редкая и большая библиотека». Судя по всему, Н.А. Фадеева могла стать и писателем, но предпочла быть хранителем наследия семьи. Она подготовила к публикации мемуары отца и сочинения брата, написала ряд статей, посвящённых старшей сестре, передала в Академию наук исследования и часть коллекций матери, многие годы была «голосом родины» для старшей племянницы. Значительную часть своей жизни она прожила рядом с сестрой Екатериной Андреевной, в замужестве Витте (1819 – 1898), помогая ей воспитывать пятерых детей. Имя одного из них можно найти в любой энциклопедии. Речь идёт о знаменитом государственном деятеле, министре-реформаторе рубежа веков Сергее Юльевиче Витте (1849 – 1915). «Если бы у меня был хотя бы один такой министр, я бы сделал в Германии чудеса», — любил повторять Вильгельм II.

В усадьбе Фадеевых родилась и была крещена старшая дочь П.А. и Е.А. Ган — Елена Петровна Блаватская (1831 – 1891). Она вошла в мировую историю как выдающийся знаток древних религиозных, философских и эзотерических учений, исследователь, как высокодуховный человек. Е.П. Блаватская известна и как талантливая писательница, публицистка, путешественница, художница, музыкант. Свои исследования она вела на стыке науки, религии и философии. В них мудрость древних знаний соединена с современными ей научными исследованиями и смелыми научными прогнозами перспектив развития человечества. Е.П. Блаватская основала движение, воплотившееся в целом ряде обществ и духовных общин во всём мире. Созданное ею Международное Теософское общество насчитывает сегодня около семидесяти отделений, не считая множества иных объединений,

А.М. Фадеев

Е.П. Фадеева

Е.А. Ган

возникших и возникающих на базе её идей вот уже полтора столетия. Наследие Е. Блаватской имело огромное влияние на А. Эйнштейна и Т. Эдисона, К. Циолковского и В. Вернадского, А. Скрябина и М. Чюрлёниса, М. Ганди и Д. Неру, семью Рерихов, М. Волошина, П. Гогена, В. Кандинского, Г. Гессе, Д. Лондона, Г. Уэллса и И. Ефремова.

Детство Е.П. Блаватской прошло на Приднепровье. Вольные степи, великая река с грозными, величественными порогами, край с древней неповторимой историей и юный город стали прологом в судьбе великой женщины-исследователя, принёсшей человечеству учение о Единстве всего сущего, женщины-странника, духовного объединителя всех людей «без различия расы, веры и социального положения».

С 11 лет, осиротев, она воспитывалась вместе с сестрой и братом в семье Фадеевых. В 1848 году, в 17 лет, в Тифлисе (Тбилиси) вышла замуж за уроженца Полтавской губернии, вице-губернатора Эривани (Еревана) Никифора Васильевича Блаватского (1809 – после 1877), который, как свидетельствует сама Елена Петровна, «происходил из аристократического украинского рода — гетманов Блаватко, став впоследствии Блаватским в России и графом Блаватским в Польше».

Через несколько месяцев, оставив мужа, Елена Петровна тайно, на английском торговом судне, покинула страну. В течение последующих двадцати лет странствовала по Европе, Северной Африке, Азии, Северной и Южной Америке, Индии, Китаю, изучая историю, культуру, философию, религию народов мира. Биографы рассказывают, что в этот период она зарабатывала себе на жизнь тем, что давала форте-

пианные концерты, выставляла свои картины, пыталась организовать продажу чернил и искусственных цветов. Воевала в отрядах Гарибальди, была ранена. Несколько лет провела в Тибете, его ашрамах и библиотеках, где получила уникальные знания и право передать часть из них людям. Возвращалась на родину, чтобы повидаться с родными.

В 1875 году в США основала Теософское общество, провозгласившее своей целью восстановить утраченное современностью знание скрытых сил природы, понимание единого источника происхождения Вселенной и человечества, древних религиозных и философских доктрин и таким путём достичь братства всех народов. В 1878 году Блаватская с несколькими единомышленниками уехала в Индию, и в 1882 году в предместье Мадраса, где река Адьяр впадает в Бенгальский залив, они основали штаб-квартиру Теософского общества. Все эти годы Елена Петровна напряжённо работала. Написала и опубликовала в России под псевдонимом Радда-Бай несколько книг о путешествиях по Индии, создала серию повестей и рассказов, объединённых в сборник «Ночные видения». Главными её работами были труды по научно-философскому осмыслению и сравнительному анализу мифологических, естественно-научных, религиозных систем и оккультных теорий Запада и Востока: «Разоблачённая Изиды» и «Тайная Доктрина». Эти грандиозные по объёму и значению книги являются синтезом науки, религии и философии и подтверждают, раскрывают главную мысль-эпиграф, великую и древнюю: «Нет религии выше истины». Эта мысль красной нитью проходит и через другие её книги, а также сотни статей и эссе.

К 180-летию Елены Петровны Блаватской

Елена Петровна Блаватская

Последние годы жизни Е.П. Блаватская провела в Европе. Умерла в 1891 году в Лондоне.

«Если не обманывает знамение — приближается тот день, когда мир убедится в том, что древние религии находятся в гармонии с Природой и что Наука древних охватывает все знания, которые может воспринять и вместить человеческий ум, — говорила Елена Петровна Блаватская, — мы входим в следующий временной цикл».

* * *

В 1834 году А.М. Фадеев в связи с переводом по службе вынужден был продать любимое родовое гнездо. Он рассказывал: «Приходилось переезжать на жительство в Одессу, продавать за бесценок дом с прекрасным огромным садом, со всеми почти двадцатилетними обзаведениями и приспособлениями для наших удобств, с огромной дворней... что, конечно, расстраивало нашу жизнь, составляло крупную неприятность». Так завершился период жизни семьи Фадеевых, принёсший им много счастливых и драматических событий. Фадеев продал свою усадьбу директору Екатеринославской казён-

ной суконной фабрики В.И. Драгневичу, а в 1860-е годы усадьба перешла во владение его зятя — М.С. Клевцова.

С 1872 года усадьба принадлежала семье мещанки Р.А. Станиславской. В 1890-е годы главный (барский) дом был сдан владельцами в аренду, и здесь разместилось 7-е городское женское училище. После революции усадьба была национализирована и превращена в коммунальное жильё для более двадцати (!) семей. Вероятно, в это время главный дом ещё раз (после 1870 – 1880-х годов) претерпел перестройки. Был окончательно уничтожен и сад, на месте которого появились вначале мастерские, а затем завод. С конца 1940-х в особняке разместилось заводоуправление «Днепростроймаша», затем — вечерняя школа. В 1980-е – 1990-е годы здесь располагались курсы машинописи и стенографии, затем ПТУ.

В 1987 году по инициативе Исторического музея им. Д.И. Яворницкого дом получил статус памятника истории XIX столетия, а в 1990 году музей выступил с ходатайством о создании в доме-памятнике Музейного центра Е.П. Блаватской и её семьи. Последующие годы были шагами на пути к утверждению проекта. В 2004 году распоряжением Кабинета министров Украины большая часть дома (к сожалению, не весь дом) была передана Историческому музею с целью создания в нём Музейного центра Е.П. Блаватской и её семьи. В 2005 и 2010 годах специалистами были проведены комплексные историко-архитектурные исследования, позволившие выявить первоначальный облик здания, исторические границы усадьбы. Идут работы по подготовке экспозиции, сбору коллекции (сегодня она насчитывает свыше 10 000 экспонатов), формированию научной библиотеки. Создавая выставки, проводя экскурсии и лекции, конференции, семинары и клубные встречи, специалисты реализуют программу «Музей с нулевого цикла». Созданные экспериментальные экспозиции и выставки уже сегодня рассказывают о Е.П. Блаватской и её семье, отражают ход исследовательских работ специалистов. Работает здесь и библиотека. Научная концепция Музейного центра предполагает создание международного научного и культурологического центра нового типа. Главный раздел его экспозиции будет посвящён Е.П. Блаватской, её личности — масштабной, разностронней, подвижнической, поражающей контрастами и внутренним драматизмом, и особо — её наследию, требующему сегодня нового осмысления.

Усадьба Фадеевых воспринимается специалистами как единый мемориальный комплекс, как историко-культурное и природное наследие в их единстве, важной задачей является воссоздание территории, возрождение уникального сада Фадеевых.

Особая ценность усадьбы Фадеевых как места рождения Е.П. Блаватской открывает возможности для создания в Днепропетровске Музейного центра, объединённого общим замыслом в целостную систему, которая будет нести значительный духовный потенциал.

Рассказывая о прошлом, Музейный центр будет устремлён в будущее. Он должен стать «Обителью всех родов Прекрасного, и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их» (Николай Рерих).

Елена ПЕТРЕНКО,

директор Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха, Украина

История составления книги «Письма Наталии Дмитриевны Спириной»*

В 2009 году в отдел рукописей Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха поступили письма Наталии Дмитриевны Спириной (1911 – 2004) — музыканта, поэта, известной исследовательницы творческого наследия семьи Рерихов. Письма были переданы В.И. Ничипоруком, врачом спортивной медицины из Киева, который был корреспондентом Н.Д. Спириной и бережно хранил переписку и архивные материалы, освещающие историю рериховского движения не только в СССР, но и за рубежом, — все эти документы вошли в книгу «Письма Наталии Дмитриевны Спириной».

Летом (июль – август) 1978 года В.И. Ничипорук в Киеве познакомился с Н.Д. Спириной, которая приехала по инициативе биографа Н.К. Рериха — П.Ф. Беликова (1911 – 1982). Во время пребывания Наталии Дмитриевны у Павла Фёдоровича в Козе-Ууэмыйза (Эстония) он рекомендовал посетить Киев и познакомиться с Владимиром Ивановичем, дал его адрес. В.И. Ничипорука связывали с П.Ф. Беликовым не только общие духовные интересы, бескорыстное сотрудничество, но и тёплые человеческие отношения, какие бывают между отцом и сыном. Знаменательная встреча с С.Н. Рерихом (1904 – 1993) и П.Ф. Беликовым произошла на выставке в Москве, посвящённой 100-летию со дня рождения Н.К. Рериха (1974). Она определила будущее направление всей жизни молодого врача и ввела в круг последователей Учения Живой Этики. О первом впечатлении, которое произвёл Беликов на Ничипорука, он записал: «Я почувствовал глубокое внутреннее спокойствие и... уверенность, удовлетворённость», а «потом пришла полоса Чудес. Пространство начало активно мне помогать осуществлять дальнейшие шаги по направлению "Державы Рерихов"»¹. Эти события из жизни В.И. Ничипорука были описаны подробно в предисловии к книге «Письма Павла Фёдоровича Беликова», изданной Одесским Домом-Музеем имени Н.К. Рериха в 2008 году.

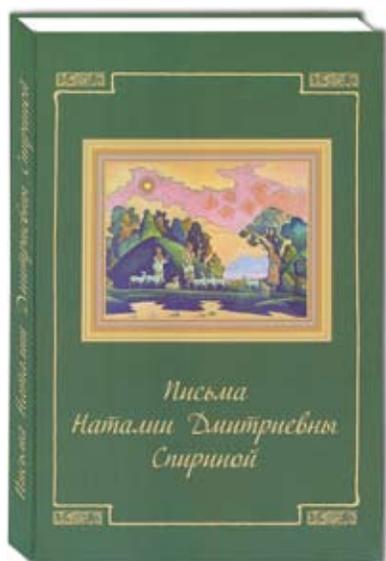
С этого момента и до ухода П.Ф. Беликова из жизни в 1982 году В.И. Ничипорук становится преданным сотрудником, незаменимым помощником, помогая вместе с друзьями-киевлянами — инженером В.А. Невдащенко и врачом А.А. Литвиненко — перепечатывать, переплетать и профессионально оформлять запрещённые в СССР книги Учения Живой Этики (Агни Йоги), произведения Е.П. Блаватской (1831 – 1891) — основательницы Теософского общества (1875), русского философа, писателя. Высокий профессионализм в издательской работе был отмечен выдающимся русским художником, младшим сыном Н.К. Рериха — С.Н. Рерихом. Так, В.И. Ничипорук рассказывал, когда Святославу Николаевичу показали книги Учения Живой Этики, нелегально издаваемые киевлянами, он обрадовался, взял в руки книгу и заинтересованно, очень живо отреагировал, спросив: «А в каком издательстве печатают эти книги?». Одна из книг «самиздата», «Агни Йога» (Учения Живой Этики), с автографом С.Н. Рериха, находится в постоянной экспозиции Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха — это подарок В.И. Ничипорука.

В Киеве Н.Д. Спирина гостила десять дней. В это же время проходил чемпионат СССР по современному пятиборью. В.И. Ничипорук был спортивным врачом сборной команды Украины, отвечал за медицинское обслуживание всех команд СССР. С Наталией Дмитриевной смог встретиться только на шестой день её пребывания в Киеве из-за постоянной занятости на работе. Однако своим друзьям Ничипорук поручил не только встретить Н.Д. Спирину в аэропорту, но и показать ей город-герой Киев. Были, конечно, организованы встречи и беседы с Наталией Дмитриевной, на которых она рассказывала о семье Рерихов, об Учении Живой Этики, о своём учителе Б.Н. Абрамове (1897 – 1972) — ученике Н.К. Рериха. Киевляне интересовались жизнью Н.Д. Спириной за границей, в Харбине, где она проживала со своей матерью до приезда в 1959 году в СССР, просили рассказать о себе, на что она с юмором спрашивала: «Это что, допрос?». Со слов Наталии Дмитриевны, по возвращении из-за границы ей были предложены на выбор два адреса для проживания, она выбрала Новосибирск.

* Доклад на Торжественной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Н.Д. Спириной. 1 мая 2011 г.

¹ Письма Павла Фёдоровича Беликова (1975–1982) / Сост., предисл., вступ. статья Е. Петренко. Одесса: Астропринт, 2008. С. 7.

К 100-летию Наталии Дмитриевны Спириной

Публикуемые письма Н.Д. Спириной написаны в период 1978–1991 годов. Они являются достоверными историческими документами, свидетельствующими, как постепенно входило Учение Живой Этики в жизнь Советского государства, об исторических личностях, которые являлись носителями традиции и культуры Учения, в первую очередь о

С.Н. Рерихе, о проходивших в городах СССР выставках Н.К. Рериха, о публикациях в периодической печати, касающихся семьи Рерихов, и о событиях в рериховском движении.

Первое письмо от Н.Д. Спириной В.И. Ничипорук получил 25 декабря 1978 года. После Киева Наталия Дмитриевна посетила Москву, где состоялась встреча с С.Н. Рерихом: «В июне я ездила в Москву с целью встретиться со С.Н. (Рерихом. — *Е.П.*), имела с ним беседу, присутствовала в А[кадемии] Х[удожеств] на вручении ему диплома, в Музее Востока на его выступлении. Его речи и беседы я законспектировала, он говорил много очень важного и значительного. При встрече с Вами (на которую я надеюсь) зачитаю Вам эти записи». Как видно из письма, Н.Д. Спирина вела очень активную подвижническую общественную жизнь: знакомила коллективы в разных городах СССР с жизнью замечательных людей — семьёй Рерихов, их наследием и этическими воззрениями, была в курсе всех появлявшихся в периодической печати изданий о них, участвовала в конференциях, публиковала статьи в газетах — и это в возрасте, близком к 70 годам.

Безусловно, что энергию и силу Наталия Дмитриевна черпала из вечного и неиссякаемого источника, имя которого — Любовь. Любовь к культуре, любовь к труду, любовь к мировой сокровищнице Духа — Учению Живой Этики и её глашатаям — семье Рерихов. Правда, физическая природа давала сбои, были проблемы со здоровьем, в частности со зрением. Н.Д. Спирина часто обращалась за помощью к врачу В.И. Ничипорuku, и он всегда помогал ей: консультировал сам или у специалистов, доставал дефицитные лекарства, многие из которых в ту пору приобрести было практически невозможно, высылал травы и

гомеопатические средства. Так, в один из приездов в Киев он устроил Н.Д. Спириной консультацию у доктора Т.Д. Поповой — дочери знаменитого врача-гомеопата Д.В. Попова (1889 – 1990), основателя Киевской гомеопатической школы, единственного в СССР гомеопата, награждённого орденом Трудового Красного Знамени. В отделе рукописей Музея имени Н.К. Рериха в Одессе хранится гомеопатический рецепт, выписанный Наталии Дмитриевне.

Н.Д. Спирина способствовала участию киевлян в Рериховских чтениях, которые проходили в Новосибирске с 1976 года. Устроителями их являлись Институт истории, филологии и философии СО АН СССР и Новосибирская картинная галерея. Так, на Вторых Рериховских чтениях (1979) с докладом «Вопросы педагогики в произведениях Н.К. Рериха» участвовал упоминаемый в письмах киевлянин Л.П. Павлов, причём Наталия Дмитриевна «настаивала, чтобы доклад был включён в Чтения» (11 декабря 1979 г.). Опубликованные материалы Рериховских чтений (1976, 1979, 1984) стали библиографической редкостью, что обусловлено малым тиражом и большим спросом.

В 1982 году ушёл из жизни Павел Фёдорович Беликов, всю жизнь посвятивший возвращению на Родину и распространению творческого наследия Н.К. Рериха. Для всех культурно-просветительских рериховских организаций это было большой потерей. Н.Д. Спирина писала в письмах к В.И. Ничипорuku: «Мы не перестаём сокрушаться о тяжкой утрате — уходе Павла Фёд[оровича]. Он так нам всем был нужен» (26 декабря 1982 г.); «Мы все осиротели с уходом Павла Фёд[оровича]. Он был нашим самым близким другом и советчиком. Имеете ли Вы контакт с его сыном Кириллом? Он сейчас переехал в Козе [Ууэмыйза], живёт с матерью и занимается архивом» (9 апреля 1983 г.).

В архиве Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха хранится переписка В.И. Ничипорука с Кириллом — сыном П.Ф. Беликова — того периода времени, о котором пишет Наталия Дмитриевна. Находятся многочисленные издания П.Ф. Беликова с его автографами, а также журнальные и газетные публикации, упоминаемые в письмах, — все эти архивные материалы были переданы в Одесский Дом-Музей имени Н.К. Рериха В.И. Ничипорукoм. Имеются в архиве и журналы «Таллинн» со статьями о Павле Фёдоровиче журналистки Наталии Надточий-Санниковой. В одном из писем Н.Д. Спирина пишет: «Посылаю Вам журнал "Таллинн" (если у Вас нет) с хорошей статьёй о нашем незабвенном Павле Фёдоровиче. Зная, какие дружеские у Вас с ним отношения и как он

ценил Вас, думаю, что Вам будет приятно прочитать её» (21 января 1985 г.).

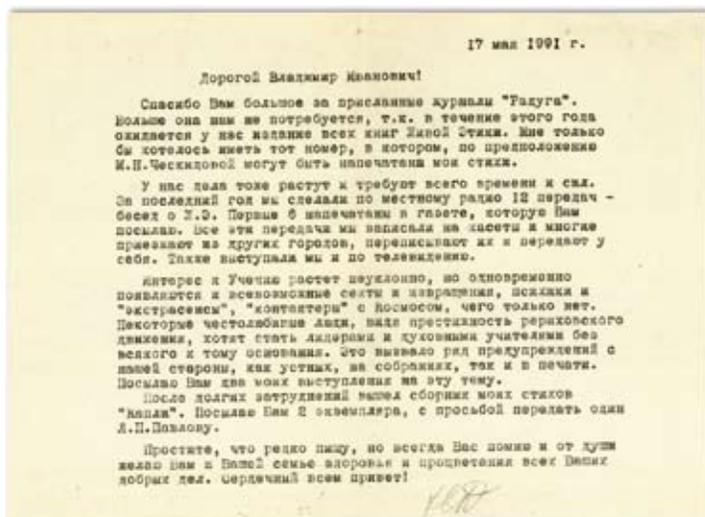
В ноябре 1984 года у В.И. Ничипорука родился сын. Наталья Дмитриевна очень живо реагирует на это важное событие, поздравляет отца «с появлением на свет сыночка Ванечки!» (21 января 1985 г.) и просит высылать фотографии малыша: «Я часто люблюсь на его фото. Он там совсем крохотный, но как ярко выражено у него устремление в будущее! Очень прошу Вас — по мере поступления новых его фото делиться со мной. Очень мне Ванечка понравился!» (14 августа 1985 г.). И здесь же: «Я с радостью вспоминаю о моём пребывании в Киеве и об общении с киевлянами. Надеюсь, что это было не в последний раз. Дружеские встречи так нужны!»

Второе посещение Н.Д. Спириной Киева состоялось летом 1985 года. Были встречи с участниками группы «Здоровье», которую организовал в августе 1979 года и вёл врач В.И. Ничипорук. В выходные дни на Трухановом острове Киева собирались энтузиасты всех возрастов. Занятия проводились Владимиром Ивановичем по разработанной им специальной программе. В одном из писем, как отклик на знакомство с группой во время пребывания в Киеве, Н.Д. Спирина писала: «Думаю о Вас и верю, что Вы сможете реализовать весь Ваш немалый потенциал. К Вам люди тянутся за хлебом насущным, и Вам есть чем поделиться. Ваша ценная специальность помогает им восстанавливать здоровье, а это так важно. Встреча с Вашей группой здоровья остаётся у меня очень светлым воспоминанием. Передайте им мой привет» (14 августа 1985 г.).

О группах «Здоровье», которые вёл В.И. Ничипорук, нужно сказать особо, так как они являлись свидетельством и отражением проснувшегося стремления огромного множества людей к духовно-нравственному усовершенствованию. Проявилось

оно во внимании к физической культуре и её философии, культуре питания и к окружающей человека природе, без чего невозможно эволюционное продвижение человека. В.И. Ничипорук, который являлся первым президентом общества «Украина — Индия» (1991 – 1995), был заведующим отделом реабилитации Украинского центра спортивной медицины Министерства охраны здоровья и президентом ассоциации «Движение за здоровый способ жизни», связывает истоки этого мощного движения с интересом к Индии во всех аспектах, проявившимся в конце 1960-х годов в СССР. Нужно не забывать об особом вкладе в развитие советско-индийских отношений всей семьи Рерихов, которая путешествовала и жила в Индии, глубоко исследуя и проникая в её древнюю Культуру. Н.К. Рерихом и его младшим сыном С.Н. Рерихом созданы целые циклы художественных произведений, посвящённых Индии; написаны очерки и статьи, легенды и сказки. В 1928 году Рерихи основали Институт Гималайских исследований «Урусвати» в городе Наггаре, в долине Кулу, где принимали выдающегося политического деятеля Джавахарлала Неру (1889 – 1964) и его дочь Индиру Ганди (1917 – 1984). В имени Рерихов в Наггаре велись беседы о создании Индо-Русской Культурной Ассоциации (ИРКА) (1942). В Индии проходила научно-исследовательская работа старшего сына Н.К. Рериха — Ю.Н. Рериха (1902 – 1960), выдающегося учёного-востоковеда, — в Институте «Урусвати», директором которого он был, и в Институте буддизма (Сикким, Калимпонг), где он руководил Индо-Тибетским семинаром и заведовал курсами китайского и тибетского языков. Вся общая работа семьи Рерихов вносила весомый вклад в сближение двух народов — русского и индийского. «Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно, "Алтай — Гималаи" — два магнита, два

равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских»², — писал Н.К. Рерих в очерке «Русь — Индия» в 1944 году. Планы создания Индо-Русской Культурной Ассоциации, которую проектировали Н.К. Рерих и Дж. Неру в Наггаре, явились предтечей будущего фестиваля «СССР — Индия», посвящённого 40-летию независимости Индии и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1987 — 1988), и многих других мероприятий. «Говорили об Индо-Русской Культурной Ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной... Опять будет беседа об ИРКА»³, — приводит художник диалог с Дж. Неру в дневниковой записи «Пандитджи» (20 мая 1942 г.).

Продолжая разговор о группах «Здоровье», организованных врачом В.И. Ничипоруком в Киеве, нужно отметить не только их многочисленность (до 150 человек), но сплочённость и объединение людей на пути не только самопознания своего физического организма, но и углубления в свою внутреннюю природу. Ничипоруком был проведён глубокий анализ медицинской основы отечественной системы физических упражнений, были подобраны упражнения, подобные йогическим и наполненные философским смыслом, так получился интересный и профессионально грамотно составленный комплексный подход к организму человека. Как описывает этот комплекс сам врач, он был «внешне — "советский", а по сути — йогический», кроме того, «это была редкая возможность эксперимента в большой группе, когда занятия одновременно посещало более 100 особ и они все занимались в унисон, создавая позитивное энергетическое поле». Интересно отметить, что на занятиях группы «Здоровье» побывал вьетнамский мастер тай-цзы, который отметил, что авторская методика В.И. Ничипорука и есть методика древнего учения тай-цзы.

В последующих письмах Н.Д. Спирина отмечает важные события, происходившие в жизни страны: встречу лидеров СССР и Индии в Дели, принятие Делийской декларации, передачу по радио рубрики «Международное положение. Вопросы и ответы», в которой неожиданно цитировался отрывок из послания Махатм, написанного Советскому правительству и привезённого Н.К. Рерихом в СССР летом 1926 года; проведение конференций, посвящённых 110-летию

Е.И. Рерих (1879 — 1955), 115-летию Н.К. Рериха и 85-летию С.Н. Рериха, а также Е.П. Блаватской. «В мире совершаются на наших глазах великие события, предуказанные ещё в 30-е годы. Это наполняет торжественностью и радостью. Всё пройдёт, а Новый Мир наступает и пребудет, и мы в нём имеем и будем иметь свою долю, согласно вложенным нами трудам и устремлениям», — писала Н.Д. Спирина 20 марта 1990 года.

Последнее письмо датировано 17 мая 1991 года. В нём Наталия Дмитриевна сообщает о важном и долгожданном событии — издании всех книг Учения Живой Этики — впервые в СССР! «Интерес к Учению растёт неуклонно», — писала она. И действительно, книги Учения были опубликованы в Новосибирске в 1990 — 1991 годах. В этом же письме Н.Д. Спирина делится и личной творческой радостью: «После долгих затруднений вышел сборник моих стихов "Капли"». Об этих стихах Е.И. Рерих писала в письме от 24 января 1954 года: «О "Каплях" Наты могу сказать, что яро они мне близки и я принимаю их всем сердцем. Пусть пишет со всем пылом сердца своего, не сомневаясь ни в чём. Очень хотела бы иметь ещё несколько "Капель", ибо чую Источник их»⁴.

Заканчивает своё письмо Н.Д. Спирина словами: «Простите, что редко пишу, но всегда Вас помню и от души желаю Вам и Вашей семье здоровья и процветания всех Ваших добрых дел. Сердечный всем привет!»

В публикуемой книге писем Н.Д. Спириной, которая выходит в серии «Архивы. Исследования», составители поместили обширное приложение из архива Одесского Дома-Музея имени Н.К. Рериха. В приложении приводятся многочисленные статьи из журналов и газет, сборников материалов конференций «Рериховские чтения», записи бесед с С.Н. Рерихом, о которых упоминает в письмах Н.Д. Спирина. Размещены также автограф и редкие фотографии С.Н. Рериха, П.Ф. Беликова, Б.Н. Абрамова, Н.Д. Спириной, В.И. Ничипорука и его сына Ивана; репродукции работ Н.К. Рериха, юбилейные марки.

Н.К. Рерихом было написано несколько очерков под названием «Памятки». В одном из них он писал: «Иногда кажется, что разные памятки никогда не забудутся, а на деле в волнах житейских многое совершенно стирается. И не только ненужное стирается, но нередко и очень значительное» (1940). Чтобы не стёрлось из памяти «очень значительное», опубликовано дорогое сердцу рериховцев эпистолярное наследие Н.Д. Спириной.

² Рерих Н.К. Русь — Индия // Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 199.

³ Рерих Н.К. Пандитджи // Там же. С. 39.

⁴ Письмо Е.И. Рерих — Б.Н. и Н.И. Абрамовым. 24 января 1954 года // Е.И. Рерих. Письма. Т. 9 (1951 — 1955). М.: МЦР, 2009. С. 366.

Леопольд ЦЕСЮЛЕВИЧ, г. Барнаул

КЛЮЧИ К ТВОРЧЕСТВУ М.К. ЧЮРЛЁНИСА

М.К. ЧЮРЛЁНИС. (1875 – 1911)

Чюрлёнис. Микалоюс Константинас Чюрлёнис. Удивительный, прекрасный, великий художник, композитор, музыкант, педагог, общественный деятель, известный и выдающийся сын литовского народа, но принадлежащий всему человечеству. Синтезом музыки и живописи приоткрыл тайны жизни во Вселенной. Накануне космической эры, накануне освоения Космоса наукой и техникой мысль этого необычного человека, мысль духовная, философская, мысль красоты и радости, шла впереди. Она открыла Врата эры Космоса сознанию человечества.

Об этом гениальном творце написано уже много, писали о нём многие, и весьма славные, известные люди. Его творчество определялось как «Мир Чюрлёниса», как новый, открываемый им «Континент», называлось — «Мир как большая симфония» и т.д. Всё это красивые, образные, художественные определения, но, если вдуматься по-настоящему, — всё же неверные, уводящие в сторону от истинной сути Дара этого творца. Дара, принесённого всему человечеству.

Он не создавал своего субъективного, только в его воображении существующего Мира, такого «Мира Чюрлёниса». Он не открывал никакого невиданного доныне «Континента», что существует где-то в небывалых пространствах. Ближе к истине выражение «мир как большая симфония», но и это определение ставит созданное им отдельно, будто параллельно существующему миру.

Однако главная суть искусства Чюрлёниса именно в том, что говорил он своим самобытным, неповторимым, только ему присущим языком образов о нашем, самом реальном, объективно существующем мире, бытии, в котором все мы сущи, где человечество уже миллионы лет обитает, но говорил так, как он сам всей сутью своего сознания видел, ощущал, понимал. Просто — он наш реальный мир воспринимал гораздо реальнее, острее, глубже, чем мы, ведь мы привыкли считать его обычным, воспринимать как обычное. А ведь на самом деле жизнь в Космосе совершенно необычна, она — как Великое Чудо.

Почему он так мог? В этом — вся его личность, индивидуальность, характер, его природённая чуткость, впечатлительность, утончённость чувств, глубокое проникновение мысли, творческой и пластичной, — весь комплекс сознания, присущий творческому человеку, гениальному выразителю истины жизни.

Верно понять то, что он создал, понять его картины, музыку в живописном исполнении, его тематические циклы, «сонаты», «фуги» вовсе не просто. Ранее ведь такого искусства никогда не было. Не просто было понять всё это и современникам на его первых персональных выставках. Хотя, казалось бы, тогда, в присутствии самого автора, это было проще — с его слов. Но нет! Микалоюс Константинас не любил объяснять свои произведения. Мало того, такие вопросы непонимающих зрителей явно были ему досадны. Ведь так ясно выражено! И ведь отсутствие чуткости, вдумчивости у публики унижает его народ, обидно за людей. И с другой стороны — искусство говорит о том, что словами не выразить. Иначе оно не искусство. Растворивать словами то, что ими невыразимо, — значит унижать, упрощать, примитивизировать само творение. Это недопустимо! И он отвечал: «Долг художника — создать произведение, а долг зрителя — понять его». И уходил от вопрошающих.

Он — истинный художник. Он выполнил свой долг. Он создал. Он раскрыл ранее не раскрываемое окно в существующий реально великий Мир, в его великие, вечные глубины. Его искусство теперь признано всем просвещённым человечеством. После первого полёта человека в Космос, после полёта Юрия Гагарина, в США была издана книга о Космосе в изобразительном искусстве. Большинство иллюстраций в ней — с работ Чюрлёниса. В этом году исполняется 100 лет со дня ухода этого гениального человека с земного плана, и в связи с этим ЮНЕСКО провозгласило 2011 год годом Чюрлёниса. И ведь совпала ещё дата — 50 лет тому назад состоялся полёт Юрия Гагарина. Поэтому ныне и Год космонавтики в нашей стране. Микалоюс Константинас умер 10 апреля 1911 года, а через 2 дня, 12 апреля, но спустя ровно полвека, первый человек Земли, наш соотечественник, взлетел в Космос и земными глазами увидел мощь этой грандиозной реальности Мироздания, где мы обитаем.

Чюрлёнис свой долг творца, долг человека-творца, человека — гражданина Вселенной, человека, живущего всеобъемлющим понятием своей ответственности за Жизнь Мироздания, — выполнил. Осталось нам выполнить свой долг. Долг зрителя, долг согражданина великой Жизни на нашей цветущей планете — понять! И понять по-настоящему, именно так, как подразумевал сам творец. А как к этому подступиться?

Есть художники, изображающие на своих полотнах то, что видят, видят глазами в окружающем мире, работающие честно и добросовестно. Это — изобразители. Есть другие, что создают формы реальной жизни сознанием, запечатлевают то, что знают и понимают, что так должно быть, работают согласно существующим методам, школам. Это мастера-изобретатели. Есть ещё иные, что полны вдохновения перед Прекрасным, творят то, что осознали в экстазе перед чудом Жизни, в радости Красоте. Это — выразители. А есть ещё иные, родившиеся с особым даром, проникающие в самую суть Бытия, вдохновлённые высшим вдохновением, можно сказать — Музами. Это те, кто раскрывают врата тайн Мироздания, то, что за покрывалом видимости, то, что составляет саму суть Истины. Они не просто последователи какой-то школы изобразительного искусства, они не кульминируют высшие достижения какого-то художественного стиля, они — новые. До них ничего такого не было. Не существовало такого метода и такой школы. Для них нет ниши в уже существующих искусствоведческих схемах. Они первые и первопроходцы. Этими тропами ещё никто не ходил.

Таковых в истории человеческой культуры не много. Жизнь их — терновый венец, ибо они далеко

обогнали привычный уровень сознания масс. О них говорят, что они опередили своё время. Но в действительности это не так. Они появляются именно ко времени, даже — в последний момент. Просто всё остальное человечество запаздывает в развитии. В развитии того, что уже подошло для осознания, для освоения.

Они творят не глазами, не умом, не восторгом чувств, а проникновением высшими центрами своего сознания в суть явлений, проникновением в мир причин, а не следствий.

Обычно говорят, что такие творцы приходят со своим миром, особым талантом. Да, это так, отрицать этого нельзя. Способы выражения, образы, символы у них свои и очень ярко отличаются от всего предыдущего. Однако если было бы только это, то был бы налицо лишь их субъективный мир, только им понятный. Но ведь поверх этого они приходят со способностью, очень тонкой и обострённой, ощущать смысл и тайну реального бытия Вселенной, раскрывать её такой, какова она в действительности. Это — творцы, открыватели, создатели.

Но как подойти к пониманию таких гениальных творцов? Именно такое определение они заслуживают. Ведь хочется, подобно им самим, как на горных вершинах, как на высоком перевале, встать перед открывающимся простором, вдохнуть глубоко всей грудью и глянуть на Мир и увидеть его Чудом.

Что может помочь в таком понимании? Во-первых, изучение источников, материалов, биографии, исследований творчества, того, что уже написано искусствоведами, воспоминаний современников. Созерцание и обдумывание образов в произведениях.

М.К. Чюрлёнис. РАЙГАРДАС. Триптих. 1907 – 1908

Можно сказать — попытка разгадывать идеограммы смысла картин. Это — интеллектуальное освоение темы. Но оно не даст полноты понимания. Это всего лишь информационный материал, который, тем не менее, надо освоить. Такой этап необходим.

Есть дальнейшая ступень. Это — встать с ним рядом, ходить по коре нашей Планеты с ним вместе, если выбрали Чюрлёниса, то — в тишине слушать «музыку» литовского соснового леса вместе с ним, вместе созерцать сверкающую на солнце речку Ратничеле, стоять у берегов янтарного Балтийского моря, наблюдать его и в штиль, и в бурю, заглядывать в глубины синего неба, где загадочные облачные образования горних миров, вникать в звёздные знаки на бескрайнем ночном небе... Но это — только рядом, только подобие тех ощущений, что испытывал он.

Надо подняться на третью ступень. Надо стать самому таким же творцом, надо пробудить в себе тончайшие рецепторы восприятия Мироздания, от былинки до величайших космических тел, проникнуться истинным уважением и бережностью ко всему, что суще, — цветку в поле, младенцу на лужайке, птице в небе, к таинственной тишине ночи... И видеть всё это не «будто бы впервые», а поистине впервые. Видеть самому, трепетать перед величиим сотворённого Мира своим сердцем. И осознавать — Мир божественен, Мир весь есть тайна неразгаданная, Мир весь есть Красота, Мир весь есть необычное, Мир весь есть вечное открытие! Надо жить, как жил Мастер. Это есть постижение Мастера. Это есть понимание Мастера.

Мастер. Он действительно Мастер. Этому есть вещественные доказательства. На его родине, в Литве,

в городе Друскининкай, где сохранились дома его семьи, где ныне его мемориальный музей, в одной из комнат воссоздана его творческая мастерская. Там на мольберте стоит начатая и неоконченная картина, вернее — графический лист, видимо предназначавшийся для дальнейшей работы акварелью. На нём остро заточенным карандашом наведён рисунок, но не весь лист им заполнен. Рисунок не завершён, внизу листа ещё просто белая бумага. Но где он есть, там уже живёт в линиях действие в космическом пространстве. Здесь некие лучи пронизываются множеством волн, течений, завихрений. Белый лист, карандаш и — рука Мастера верно ведёт очертания образов, уже живущих перед мысленным взором художника. Нигде не видно следов работы резинкой, никаких предварительных вспомогательных линий, никаких поправок, поисков. Вся картина готова в сознании автора, остаётся только её запечатлеть в материале. И каждая линия, нанесённая на бумагу, уже — жизнь, музыка, ритм, свет. Всё верно и безошибочно. Так работают Мастера. Так работал Моцарт, когда писал музыку. Сразу и в завершённом виде. Она жила в нём. Он её внутри слышал. Гармонично, сильно и образно. Так писал свои стихи и поэмы гениальный Лермонтов. Есть такие творцы, хотя их не много.

Как подойти к Мастеру, что взять первым в руки, чтобы встать на эту третью ступень? Надо идти к истокам. К тому, с чего он начал сам. С его детства, с его семьи, с его родины, с его неба, его мечты. Впервые увидеть его — Человека.

Очень ведь часто, если не в большинстве случаев, художник, музыкант, поэт, давно ушедший из жизни,

М.К. Чюрлёнис. РАЙ. 1909

становится этаким символом, существом идеальным, образцовым, но схематическим, давно хрестоматийно определённым и измеренным. Но ведь это — потеря главного понимания творца! Творец — человек со всеми сложнейшими нюансами чувств, переживаний, впечатлений, но только более остро, чутко, глубоко воспринимающий жизнь.

Для понимания Чюрлёниса первым делом, пожалуй, необходимо понятие чуткости и утончённой восприимчивости, неторопливой вдумчивости. Ведь в действительности именно эти качества были присущи тому окружению, в котором он рос, тому сословию, где он развивался, той семье, где он родился. Они совершенно точно характеризовали и его сестру, Валерию Чюрлёните-Каружене, с которой я имел счастье быть знакомым, встречаться, беседовать. Она вся была как затихший, очень верно настроенный музыкальный инструмент. Внешне ничем не примечательная пожилая женщина, ей уже было за 80, но выглядела не более чем на 70. Очень спокойная, внутренне и внешне гармоничная, говорила тихим голосом, ненавязчивым, но убеждённым в своей глубинной сути. Внешнее и внутреннее было в ней едино.

Литовские друзья устроили мне эту встречу с сестрой великого Мастера. Не с дочерью, не с внучкой,

а именно с родной сестрой, из той единой большой семьи Чюрлёнисов, что жили в той прекрасной местности — Друскининкай и где все были музыканты и все жили единым духом истинного, честного искусства. Честь, правда, справедливость были на первом месте. Если что-то надо было доказать, то достаточно было сказать: «Это слово чести», и этому верилось безоговорочно. Лжи, обману, чванству, карьеризму места не было. Все будто предстояли перед ликом Истины. Древние и вековые устои нравственности народа.

Валерия Чюрлёните-Каружене работала консультантом в Музее Чюрлёниса в Каунасе. Я в этом музее был уже много раз, а теперь прошёл всю экспозицию творений её брата вместе с ней и вместе с ней смотрел на произведения, давно в общем-то известные и по-своему обдуманые. Но это созерцание их вместе с сестрой гения было незабываемо особым. Все картины воспринимались очень легко, очень естественно входили в сознание, как нечто само собой ясное и несомненно существующее. И было понятно, что для неё, этой женщины, всё сотворённое её братом есть истинное состояние Мира, где мы живём и дышим. Таким видел и ощущал Мир её брат, так видит и она. И я, идя с такой Музой и созерцая все изображённые

сюжеты, вдыхал суть того, что истинно суще, — да, Мир многопланов, да, есть такие сферы чувств, мыслей, идей, да, есть великая, неразгаданная, но чудесная беспредельность, да, есть путь, путь ввысь, путь по ступеням Лестницы Иакова, да, есть развитие сознания человека до вершин коронованных, величайших личностей, до сияющих Королевы и Короля. Да, есть видимая Вселенная с мириадами звёзд и планет, есть великое «сотворение Мира», но есть ещё гораздо больше того, что мы, люди, просто так, глазами, не способны видеть. Как ныне наука доказывает, из всего имеющего место в Космосе мы видим только 4 %, всё остальное — как тот затемнённый Король, что стоит за спиной высветленного Короля в знаменитой картине Чюрлёниса «Рех», — есть, и есть несомненно, но невидимо.

Я шёл с Музой вдоль всего созданного её братом и оставленного нам, людям. Шёл с ней и наполнялся тем Миром, который не любит словесных объяснений, философских категорий, умозрительных схем и раз навсегда застывших формул. Нет, это всё чуждо такому раскрытию сути Жизни, Жизни с большой буквы. Ведь всё живо, всё расцветает, развивается, движется. Это не надо объяснять, это надо воспринимать высшими рецепторами души, это надо осознать озарением духа, этим надо жить, это надо вдыхать как живительную прану горных вершин. Муза моя затихла, мы посмотрели всё. Она почти ничего и не разъясняла. Она воспринимала и жила этим.

Было ясно, ясно без всяких подчёркиваний, что наряду с чуткостью и неторопливой вдумчивостью в качестве ключа к творчеству её брата надо взять и понятие космичности. Да, её родной брат, живя в прекрасной, небольшой Литве, любя всем сердцем этот свой родной край и его людей, реально ощущал себя гражданином Вселенной. Где бы он ни был — у Янтарного моря, в звенящем литовском лесу, у быстрой Ратничеле, над его головой было всегда небо — бескрайние, бесконечные пространства великого Космоса, а ноги его ходили по планете — движущемуся, вращающемуся, плывущему в неведомом пространстве космическому телу — Земле — вместе с нашей звездой, Солнцем.

Но Космос Микалоюса Константина прекрасен, зовущ, благостен. В нём нет ничего от ныне бытующих фантазий о безобразных, жестоких и бездушных пространственных образованиях, монстрах и ужасных «космических

войнах». Его «сонаты» Солнца, Весны, Звёзд, циклы «Сотворение мира», «Знаки зодиака» — тому свидетельство. Поэтому рядом с космичностью нельзя забыть главнейшую категорию искусства — категорию Прекрасного, когда будем искать ключи к его пониманию.

А затем я беседовал с Валерией Чюрлёните-Каружене в её рабочем кабинете. Спрашивал, верно ли экскурсоводы, этикие самоуверенные девушки, объясняют картины её брата. Так, к примеру, я не согласен с толкованием, что тёмный великий Король в картине «Рех» означает, что зла и тьмы на свете больше, чем Света и Добра. Она сказала, что я прав, что именно и её мнение, и брата, что это то непознанное, невидимое, что есть и что предстоит осознать в будущем. Рассказывала, что брат был глубоко образован в философии, очень любил древнегреческую, индийскую мудрость, изучал теософию, европейских философов XIX века и многое другое. И ещё нельзя забывать весь пласт народных верований, народной мудрости литовцев, этих потомков давно отделившихся ветвей великого индийского народа. Ведь в их языке 70 % корней слов — санскритские. Древнее благочестие, древняя нравственность, древнее уважение ко всему живому. И ведь в литовском народе и поныне живут дайны — народные песни-четверостишия, нежно и ненавязчиво поучающие о правильной жизни, о жизни перед ликом великой Истины. Жил этим Микалоюс Чюрлёнис, в крови у него был этот ритм чистого отношения, чистых мыслей, чувств, бескорыстия. Его образы добрых Королев и Королей, Замков мечты, Мостов через бездну, Врат в новое, Птицы вещающей, Янтарного моря, Жертвенника чистой

Н.Д. Спирина и В. Чюрлёните-Каружене. 1970-е гг.

М.К. Чюрлёнис. КОРОЛИ. СКАЗКА. 1908 – 1909

жертвы — всё из народных сказок, представлений, мирозерцания. Поэтому, не сомневаясь, к четырём прежним «ключам» надо добавить и народность и философичность.

Но его искусство не иллюстрация к философии, а попытка передать своё осознание живого и вечно развивающегося Мира. Музыка живёт в движении и во времени, изобразительное искусство — одним застывшим на секунду мгновением, но в пространстве. Объединив эти два начала, Мастер пытается дать объёмно картину Мира, где мы живём. В этом стремлении он был первым. До него никто так не мог работать. И пока другого такого, продолжающего, как он, не видно. Были более или менее удачные попытки следовать его примеру, но тех истинных высот синтеза музыки и элемента изобразительного они не достигали.

Я возвращал мою мудрую собеседницу к своему вопросу, почему же она, столь авторитетный знаток творчества Микалоюса Чюрлёниса, не воспрепятствует ложным толкованиям. Но она на это тихо и спокойно отвечала, что, по мнению и её, и брата, каждый имеет право на свои суждения, ведь с каких-то точек зрения и они правы, поэтому она им

никаких замечаний не делает. Но когда она ведёт экскурсию, то говорит именно то, в чём сама убеждена. Чуткость, уважительное отношение ко всему, непротивление злу насилием, но проведение рядом более длинной, более прекрасной линии. А кто способен услышать, кто углубится, тот сделает сам верный вывод. Как в триптихе «Путешествие королевы» — младенец, одуванчик и птица. Птица великая и сильная, но не задела одуванчика, ребёнок невредим, вся природа Матери-Земли и Великого Неба требует именно такого отношения. И тогда Королева — воплощение высокого развития сознания — сияет восходящим Солнцем и вещая Птица у ног её верно служит.

Беседа с Валерией Чюрлённите-Каружене завершилась. На всю жизнь остались

у меня в руках, вернее — в душе, ключи к тому, как подходить к творениям её великого брата. Словами не высказать, голосом безмолвия лишь выразить.

О музыке Чюрлёниса мы с сестрой его не говорили. Величайшая роль музыки в его искусстве была понятна сама собой. И он, как профессиональный композитор и самый яркий выразитель души своего народа в музыке, был признан всеми, сомнений в этом не было. Его музыкальные сочинения — симфонические поэмы «Лес», «Море», Струнный квартет, фортепианные прелюдии — классика мировой музыкальной культуры.

Но не всё, как оказывается, так просто. И к его музыке, хотя она полностью прекрасно вписывается в стиль европейской музыки неоромантизма, надо подходить с такой же подготовкой, как к его живописи. Был в моей лекторской практике один предосадный случай. Однажды меня пригласили в Барнаульское музыкальное училище рассказать об этом композиторе и художнике учащимся второго курса, музыкантам-исполнителям. Лекция прошла, как мне казалось, вполне удачно. Учащиеся слушали с интересом. В затемнённом классе на экране я показывал слайды с картин Чюрлёниса, рассказывал

об особенностях его творчества. В завершение хотелось, чтобы прозвучали и его музыкальные произведения, и я поставил для воспроизведения его фортепианные прелюдии. Слушали молча. Но я заметил, что лицо молодого преподавателя этого класса очень уж неестественно напряжено. Когда музыка затихла, я простился с учащимися и вышел. Но не успел сделать и двух шагов, как за дверью услышал почти истеричный крик того молодого учителя: «Чюрлёнис не понимал возможностей рояля! Не знал, что он может выдать! Я вам сейчас покажу!» И тут из пианино, стоявшего в том классе, повалил такой грохот, такие обвалы звуков, такие громохания высоких и низких аккордов, как если бы кто-то, не разуваясь, вскочил ногами на клавиатуру и бегал по ней взад и вперёд.

Мне стало очень грустно. Педагог, этот горе-преподаватель, молодой музыкант, ничего не понял. Не только не понял Чюрлёниса, но и явно не понимал истории музыки, её стилей и музыки вообще от слова Муза. Для него за бортом, непонятым и невосприимчивым осталось всё то тонкое, чудесное, глубокое и драгоценное, что несли прелюдии этого композитора. Для него оказалось недоступно понимание души народа литовского, а может быть, души вообще. Для него закрыт весь мир культурной жизни древнего племени балтов, их ясное янтарное море, белые дюны, небесные облачные выси, холмы и озёра, тихие, добрые, задушевные песни, ясные, сердечные, ненавязчивые ритмы мудрых дайн, всё то, в чём живёт душа человеческая, душа народа, где и грусть и надежда, любовь и вера. Сокровище народа, чудо его духа — ему недоступно!

И что тут было делать? Я подумал: а как бы отреагировал сам гениальный Чюрлёнис, окажись он рядом со мной в эту минуту? Наверняка отвернулся бы и ушёл, как он поступал в случаях его непонимания, сказав, что духовно глухому и слепому никогда не понять никакого искусства.

Всё-таки приходится делать вывод — чтобы было понятно его изобразительное творчество, надо приложить усилия, вжиться, воспринять и его музыкаль-

М.К. Чюрлёнис. СКАЗКА. ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЕВНЫ. Триптих. II. 1907

ные произведения, его музыкальные образы, мысли. В них кроется «ключ», может быть самый главный, к Вратам его Мира, его видения Сущего. Чтобы воспринять так, как мог он сам.

Действительно, он апеллировал к воспринимающим высшими центрами сознания, а от желающих объяснить всё низшими, упрощёнными, примитивными способами — отворачивался.

Я не хочу здесь пытаться объяснить его картины, каждый сам должен это сделать, как велел Мастер. Хочу лишь порадоваться красоте воспринимаемой им Жизни. Их свету, их необъятной пространственности, безбрежному полёту в сияющие дали, их высоте, высоте высшей Мечты, их оптимизму, их уверенности в силе и победе Добра, утверждению мудрости Мироздания...

Нельзя не отметить поразительный факт, что этот творец хотя только один год учился в школе искусств и, по бытующим мнениям, не обладал профессиональным образованием, тем не менее был в своей художественной практике профессионалом в высшем значении этого слова. Это можно объяснить только наличием крупнейшего таланта. Он прекрасно рисовал, его образы полны смысла и жизненной силы, его символы глубокие и запоминающиеся, его цвет всегда гармоничен и соответствует всем правилам

М.К. Чюрлёнис. REX. 1909

цветоведения, его композиции динамичны и вместе с тем уравновешенны. Он никогда не пытался дать натурную иллюзию видимого глазами внешнего мира. Он умел держать плоскостность изображения элементов живописи как музыкальный пласт звучного узора, переплетающегося ритмом, тоном, цветом. Он никогда не стремился к внешнему эффекту в своих произведениях. У него всё сдержанно, всё в рамках подлинного чувства и содержания, всё подчинено необходимому музыкальному и живописному ритму и размеру, силе звучания.

Его живописная техника одновременно очень проста и сложна. О его картинах можно сказать то, что говорят о всех гениальных творениях, — минимум формы, максимум содержания. Максимум Чувства,

максимум Мысли, максимум Идеи, максимум Духа, максимум Голоса Безмолвия, ради чего, собственно, и существует искусство.

Конечно же, совершенно понятно, что в своих идеях, в столь требовательном отношении ко всему создаваемому, в своих нравственных постулатах Микалоюс Константинас Чюрлёнис не одинок. И при жизни были у него единомышленники, есть и теперь. Такие герои Человеческого Духа были и есть в каждом народе и в каждой эпохе, иногда целой плеядой. Но верно наблюдение, что чем выше, тем не только шире, но и разнообразнее, самобытнее сознание творцов. И поэтому в таком своём выявлении Чюрлёнис нов, своеобразен и неповторим.

В Издательском центре РОССАЗИЯ Сибирского Рериховского Общества вышли в свет книги

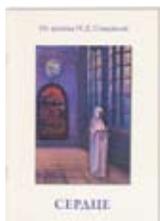
БРАТСТВО. — 320 с. Твёрдый переплёт. Формат 120 x 165.

Книга из серии Учения Живой Этики, или Агни Йоги. При подготовке издания были учтены замечания и поправки Е.И. Рерих, содержащиеся в её письмах и Записях.

Б.Н. Абрамов. РАССКАЗЫ. СТИХИ. — 48 с. Брошюра.

В сборнике представлено литературное творчество Б.Н. Абрамова — духовного ученика великого русского художника и мыслителя Н.К. Рериха. Рассказы Бориса Николаевича дают новый взгляд на многие явления жизни, стихи отличаются возвышенностью и красотой.

СЕРДЦЕ. Серия «Библиотека Живой Этики». — Составитель Н.Д. Спирина. — 64 с. Брошюра.

Данная брошюра входит в серию подборок из архива Н.Д. Спириной, составленных ею на основе Учения Живой Этики.

VIII Рериховские Чтения «Культура победительница». Материалы конференции. 7 – 9 ноября 2009 г., Новосибирск. — 376 с. Мягкий переплёт.

В сборник вошли доклады учёных, деятелей культуры и исследователей многогранного научно-философского наследия семьи Рерихов.

По вопросам оказания помощи Музею Н.К. Рериха в Новосибирске обращайтесь в Сибирское Рериховское Общество:

Адрес: 630099, Новосибирск-99, а/я 251. Тел./факс: (383) 218-06-71; 210-34-55; тел.: 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru
Средства просим перечислять на расчётный счёт: **Получатель:** ИНН 5407119062, Сибирское Рериховское Общество,
Р/сч 40703810144070130495. **Банк получателя:** Сибирский банк СБ РФ, г. Новосибирск, БИК 045004641,

Кор/с 3010181050000000641; с пометкой: «Благотворительное пожертвование на ведение уставной деятельности для Музея Н.К. Рериха».

На первой странице: Н.К. Рерих. ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ. 1932

Учредитель: © Сибирское Рериховское Общество. При перепечатке любых материалов обязательно предварительное согласование с редакцией.

Основатель журнала «Восход» – Наталия Дмитриевна Спирина.

Издание основано в 1993 г., зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ. Свидетельство ПИ № 77-9359. Тираж 800 экз.

Цена свободная.

Редакционный совет: Н.Ф. Василькова, Т.М. Деменко, С.А. Деменко, Н.М. Кочергина, А.А. Резванцева, И.И. Сереброва, Ю.В. Цыганкова.

Редактор В.В. Игнатьева, цветокорректор С.А. Ковалёва.

Адрес Издательского центра РОССАЗИЯ: 630099, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 38. СибРО, редакция.

Телефон: (383) 223-27-55; e-mail: sibro@mail.ru. Сайт журнала: <http://voshod.sibro.ru>

Подписка: в книжном отделе СибРО «Искры Света». По заявке высылается бесплатный каталог.

Адрес: 630007, г. Новосибирск-7, а/я 126, ООО «Искры Света». Отдел «Книга-почтой».

Тел./факс: (383) 218-09-50; e-mail: knigisibro@inbox.ru. Интернет-магазин: <http://knigisibro.ru>

Отпечатано в типографии ИД «ВОЯЖ», г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Н.К. Рерих. КАНЧЕНДЖАНГА

Истинно, нужно принять символ Вершины как восхождение духа. Каждый ученик должен помнить, что уклонение от Вершины уводит путника от пути. Каждый лишний груз не поможет путнику. Явление Вершины остро, и каждая лишняя привязанность к Миру земному останавливает путника. Но трудно остановиться на склоне, потому будем помнить о Вершине восхождения.

Мир Огненный. III, 22